

О'САНЧЕС

КРОМЕШНИК

ПАЛ Ъ МИ РА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 3

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
072

О'Санчес

072 Кромешник : [роман] / О'Санчес. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 743 с. — (Серия «Пальмира — роман»).

ISBN 978-5-517-08759-1

Действие саги разворачивается в преступном мире вымышленной страны Бабилон, а у главного героя много имен. Гекатор Сулла, или Кромешник — загадочная, полумифическая фигура, бескомпромиссный представитель окружающей его криминальной среды. Это издание включает в себя всю сагу о Кромешнике, состоящую из двух книг.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-08759-1

© О'Санчес, 2023
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

**Побег от ствола Судьбы
на горе Жизни и Смерти**

(Сага-небыль о Кромешнике)

Предрекая вечный сон
Двум Владычицам Времен,
На семи гнилых корнях
Ждет судьбу Кромешный Прах.

Он не добр и не зол,
Он бессилен и беспол,
Но во чреве у него
Зреет гибель и родство.

В судный день, в урочный год
В нем Кромешник прорастет.

Он, пожрав кромешный прах,
На семи гнилых ветрах
Улетит оттуда прочь,
В мир, где правят День и Ночь.

Он отринет Рай и Ад,
Встанет выше всех преград
И в безумии своем
Опрокинет оком,

Чтобы ввергнуть в вечный сон
Двух Владычиц Всех Времен.

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1

*Может быть, филин
Ведает, кто проложил
Тропы лесные...*

Свое семнадцатилетие он встретил на борту небольшой яхты, зафрахтованной непонятно кем у неизвестных владельцев. Экипаж состоял из шкипера и четверых матросов. Гек выполнял необременительные обязанности пассажира: ни к каким работам — повседневным ли, авральным — его не привлекали, а кормился он в каютке у шкипера, где трижды в день накрывался стол на двоих. Впрочем, стол отличался только местоположением и количеством едоков, сосредоточенных в невеликом объеме капитанской каюты или матросского кубрика. В роли кока подвизался один из матросов: приготовив нехитрую трапезу, чаще — невкусно, он распределял ее среди находящихся на судне согласно их аппетитам, а остатки, не торгуясь, выбрасывал за борт. Гека все еще задевало такое расточительство — жратва ведь, — но он не показывал виду, в конце концов, не его это дело и не его деньги. В разговоры вступать ему прямо не запрещалось, но еще на берегу Дядя Джеймс (Дудя, как его называли за глаза) напутствовал Гека, чтобы тот не полоскал зря языком — в море, мол, это производит невыгодное впечатление. Гек, уже привычный к подобным намекам и недомолвкам, понял, что от него хотят, и заткнулся наглухо. Если столовался он в каюте, то спать ему приходилось все же в матросском кубрике. Когда позволяла качка, Гек спал и днем, благо морской болезнью не страдал, а свободного времени была уйма, но чаще лежал, шаря по переборке невидящим взглядом, и невесело размышлял о прошедшем и предстоящем. Размышлял и вспоминал свою такую короткую — оказывается, и вспомнить толком нечего — жизнь, которая осталась за бортом. Или, может, это он остался за бортом жизни? И что его теперь ждет? И когда он вернется... если вернется? Время такое — никому верить нельзя.

Матросы были парни простые и веселые. Говорили все больше про баб и кабаки. Иногда вспоминали кинофильмы, кто какие смотрел, или события из спортивной жизни. Радио было только у шкипера. Точнее, радиостанция. Каждый вечер он лично выходил в эфир, буквально на секунды, принимал и отправлял одному ему известные сообщения, а потом обычно слушал музыку. Гек ни разу не слышал, чтобы он разговаривал со своими людьми на отвлеченные темы: он давал привычные распоряжения, без особой злости матерно распекал за нарушения, если таковые случались, а с Геком практически вообще не разговаривал — так, смотрел как на пустое место. Матросы его побаивались, но, по-видимому, он их устраивал: все четверо, как понял Гек из их разговоров, плавали с ним постоянно уже довольно давно. Работы было немного, и матросы скучали. На судне хранился небольшой бочонок со спиртом, из которого они ежевечерне нацеживали поллитровую банку, затем разводили водой из расчета один к одному в банке побольше и ставили моментально мутнеющую жидкость на час в холодильник. Потом пили. Гек смотрел на них во все глаза: и папаша его, и Патрик во время запоев тоже не амброзию лакали, но чтобы такое... Но ничего страшного с матросами не случилось. Покончив с очередной порцией отравы, они принимались вполголоса петь, ругались порою, но до драк дело не доходило даже в конце рейса, когда все устают друг от друга и когда сама жизнь кажется глупым и никчемным занятием. Гека ни разу не угощали, да он и не стал бы пить *это*. Покойный батя — другое дело, особенно с похмела. Он бы и от блевотины не отнекивался, лишь бы градусами пахла. Шкипер сам не пил, но не препятствовал в этом — видимо, хорошо знал их пьяные и трезвые стороны и был в них уверен. И матросы, кстати, словно бы подчиняясь невидимому приказу, существуя бок о бок с Геком, почти не обращали на него внимания. Сначала, конечно, наблюдали исподтишка, особенно в татуировки вглядывались, но постепенно привыкли и игнорировали его соседство вполне естественно, тем более что Гек и сам был необщительным по природе и предпочитал молчание всем остальным видам общения. В целом рейс проходил довольно однообразно, и Геку мало что из него запомнилось. В памяти застряла пегая, вечно мокрая бороденка шкипера, дерьмо за бортом, которое охотно клевали чайки, боль в пояснице от подвесной койки в маленьком кубрике и тому подобный мусор.

К середине апреля, четко по плану, его доставили в Марсель; при этом складывалось ощущение, будто яхту через весь

океан гоняли исключительно ради одного пассажира, хотя Гек понимал, что это далеко не так. Он даже знал, какой груз будет доставлен в Вавилон обратным рейсом, но контрабанда наркотиков — не его ума дело. Однако дальше пошли непонятные изменения в маршруте: после тайной переправы на берег Геку, не называя пароля, не требуя ответного, предложили сесть в машину, стоявшую прямо у пирса. Гек уперся было, но ему в нос и под ребра сунули по пистолету и приказали молчать. Один из встречавших с неожиданной яростью ухватил его за рукав куртки повыше локтя и, больно вдавливая ствол пистолета в живот, погнал спиной вперед, пока Гек не ударился о заднюю дверцу пикапа.

— Лезь скорее, п-придурок, на месте все о-объяснят!

И его, как узел со старым тряпьем, запихнули внутрь. Гек не сопротивлялся больше.

«Видимо, накладка где-то вышла, — пытался он себя успокоить, — может, шухер или еще что... Если прихват — Дудя велел молчать, будем молчать».

Стояла глубокая ночь, и лиц тех, кто его встретил, было не разглядеть, но в том, что с этим заикой встречаться ему не доводилось, Гек был уверен. В автомобиле кроме него находились шофер и заика, только они сидели впереди, а Гек лежал сзади, среди коробок и тюков, непонятных на ощупь. Все молчали. Ехали довольно долго, с многочисленными поворотами и остановками. Наконец шофер, остановив машину, вышел, глянул по сторонам и крикнул приглушенно:

— Эй, мы приехали! Вылезай, быстро!

Чтобы понять сказанное, не требовалось знать итальянский, тем более что водила сопроводил свои слова осторожным похлопыванием по ноге Гека, торчавшей из-под груды бахла. Гек заворочался, нисколько не заботясь о сохранности окружающего, полез из машины. Задняя дверца, через которую Гек выбрался, пришлась прямо напротив входа в какой-то погреб. Сам же погреб находился во внутреннем дворе двухэтажного домика. Двор окружала двухметровая глухая стена то ли из кирпича, то ли из камня — ночью да под штукатуркой не больно-то различишь. Дом был тих и мрачен, как надгробный поцелуй. Только здесь Гек окончательно уверился, что не лягавые прихватили его, нет, не лягавые. От соседнего куста, сплошь усыпанного чем-то белым, шел мягкий и чистый аромат — там рос жасмин. Но Гек не знал, как пахнет жасмин, да и не подозревал о существовании растения с таким названием. А вот запах гнили и плесени из погреба был хорошо ему знаком — так пахло его детство, и дома и вне его.

Из глубины погребца, снизу, на ступени пробивался тусклый сырой свет. Оттуда, опять же на итальянском, последовало приглашение:

— Сюда, быстро... Да пригнись, не то башку расшибешь!

«С чего они взяли, пидоры, что я понимаю их язык? Так можно подумать, что я уже в окрестностях Рима, а не в Марселе...» Гек непонимающе глянул на шофера, тот качнул подбородком в сторону ступенек и, тихо прикрыв дверцу машины, пошел следом. Третий так и остался сидеть на своем месте — молча и не шевелясь.

Гек взял направление на голос, пробуя ногами ступени. Он сразу про себя решил, что не понимает сказанного и ориентируется только на интонацию, а потому предпочел «расшибить башку», впрочем, постарался сделать это аккуратно, так что шишка на лбу хотя и кровоточила, но угрозы для здоровья не представляла. Ссадину смочили мерзко пахнущей сивухой, в которой Гек без труда узнал ирландское виски; продезинфицировав ранку таким образом, ее залепили пластырем.

Строго говоря, хлопотал и оказывал первую помощь только шофер — смуглый и суетливый парень лет двадцати, на макушке у которого уже созревала будущая плешь. Он то уверенно поднырнул в знакомом месте и остался невредим. Другой же присутствующий, мясистый детина лет тридцати пяти, тщательно прикрыл за ними дверь погребца, изнутри больше похожего на бомбоубежище, защелкнул ее на два оборота ключа, плюхнулся на стоящий у входа трехногий табурет, закурил темно-коричневую сигаретку и, покуривая, стал терпеливо ждать, пока водила исполнит роль медсестры. Это напоминало сценку, где подрядчик доставил клиенту мебель на дом и, в надежде на чаевые, усердно протирает пятно, случайно попавшее на полированный бок во время перевозки.

— Откуда ты, парень? — вдруг спросил Гека толстый. Видя, что тот не отвечает, он перешел на английский и повторил: — Ты откуда, мальчик?

— Не твоё собачье дело, — уклонился от ответа Гек, рассматривая в настенное зеркало заклеенный пластырем лоб. «Однако, — успел он при этом подумать, — толстый-то, похоже, землячок». Он уже успел оправиться от шока, вызванного тревожащими изменениями в четком и недвусмысленном сценарии, и спешно оценивал обстановку. Нечто неувловимое для сознания — в акценте ли, в манере одеваться или в чертах лица нового знакомца — подсказывало Геку, что перед ним соотечественник.